

ГУМАНИТАРНАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА

Изменение в последние десятилетия системы международных отношений и смещение в ее рамках ценностных и институциональных акцентов неизменно влечет за собой возникновение таких новых явлений, концепций и подходов, которые не имеют своего эффективного и однозначного международно-правового регулирования. Однако, несмотря на это, они не могут быть просто откинута или проигнорированы, т.к. их появлению зачастую способствуют объективные потребности международного сообщества. Одной из таких концепций является концепция гуманитарной интервенции, которая идет вразрез с устоявшейся после второй мировой войны системой основных принципов международного права, признаваемых всеми ее субъектами в качестве обязательных. Нужно отдать должное тому факту, что идея гуманитарных интервенций не нова. К ней часто обращались в период так называемого «классического» международного права. Однако для действующего международного права, концептуальным понятием которого остается понятие государственного суверенитета, возможность вмешательства в сферу национальной компетенции государства остается абсолютно неприемлемой. Тем не менее, на протяжении последних двадцати лет допустимость применения гуманитарных интервенций, т.е. вмешательства во внутренние дела государства с целью защиты прав его населения от массовых и систематических нарушений, все чаще доказывается не только теоретически, но и практически. Гуманитарные интервенции в Афганистане, Ираке, Ливии, проведенные фактически без наличия достаточной международно-правовой нормативной базы, определяют актуальность и более того необходимость в глубоких и всесторонних научных исследованиях данной тематики.

Среди уже существующих работ, посвященных вопросам применения гуманитарных интервенций, следует отметить труды таких отечественных и зарубежных ученых, как А. Кабаченко, Р. Каламкарян, М. Лебедев, И. Лукашук, А. Маныкин, Э. Поздняков, П. Цыганков, А. Цыганков, П. Дэйлиер, А. Пеллет, М. Эванс, Т. Бергентааль и др.

Целью данной статьи является анализ действующего международно-правового регулирования в сфере вмешательства во внутренние дела государств по гуманитарным мотивам, а также освещение некоторых аспектов обращения к идеи гуманитарной интервенции и определение ее соотношения с другой новой международно-правовой концепцией, а именно с концепцией «обязанности защищать» («ответственности за защиту»).

Как уже было отмечено, возможность осуществления гуманитарных интервенций представляет собой один из наиболее дискуссионных вопросов в теории и практике международного права и международных отношений в целом. Гуманитарная интервенция представляет собой исключение из основного принципа международного права о недопустимости вмешательства во внутренние дела государства. Базой формирования и закрепления этого принципа является положения ст. 2 Устава ООН о том, что «... Устав ни в коей мере не дает Организации Объединенных Наций права на вмешательство в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства, и не требует от Членов Организации Объединенных Наций представлять такие дела на разрешение в порядке настоящего Устава; однако этот принцип не затрагивает применения принудительных мер на основании Главы VII» [1].

В дальнейшем этот принцип получил детализацию в Декларации о принципах международного права 1970 г., касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами. В ней он зафиксирован как «Принцип, касающийся обязанности в соответствии с Уставом, не вмешиваться в дела, входящие во внутреннюю компетенцию любого другого государства». В соответствии с ним «ни

одно государство или группа государств не имеет права вмешиваться прямо или косвенно по какой бы то ни было причине во внутренние и внешние дела любого другого государства. Вследствие этого вооруженное вмешательство и все другие формы вмешательства или всякие угрозы, направленные против правосубъектности государства или против его политических, экономических и культурных основ, являются нарушением международного права. Ни одно государство не должно ... вмешиваться во внутреннюю борьбу в другом государстве. Ничто в приведенных выше пунктах не должно истолковываться как затрагивающее положения Устава, касающиеся поддержания международного мира и безопасности» [2].

Очередным документом, отобразившим концепцию невмешательства во внутренние дела государства, стал Заключительный акт Совета по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г., в котором государства еще раз подтвердили, что «...будут воздерживаться от любого вмешательства, прямого или косвенного, индивидуального или коллективного во внутренние или внешние дела, входящие во внутреннюю компетенцию другого государства-участника, независимо от их взаимоотношений. Они будут, соответственно, воздерживаться от любой формы вооруженного вмешательства или угрозы такого вмешательства против другого государства-участника. Они будут точно так же при всех обстоятельствах воздерживаться от любого другого акта военного или политического, экономического или другого принуждения, направленного на то, чтобы подчинить своим собственным интересам осуществление другим государством-участником прав, присущих его суверенитету, и таким образом обеспечить себе преимущества любого рода. Соответственно, они будут, в том числе, воздерживаться от оказания прямой или косвенной помощи террористической деятельности или подрывной или другой деятельности, направленной на насильственное свержение режима другого государства-участника» [3].

Таким образом, основным положением концепции невмешательства в международном праве является правило о недопустимости осуществления какого-либо вмешательства в дела государства, будь то дела внутреннего или же внешнего характера. Не допускается вмешательство, как в индивидуальном, так и в коллективном порядке. Отдельно подчеркивается неприемлемость вмешательства во внутреннюю борьбу в государстве. Полагаем, что речь может идти о борьбе за независимость отдельных наций или же борьбе, связанной со сменой государственной власти и приходом к ней нового режима. Как бы то ни было, в соответствии с характеристиками международно-правовой системы, сложившейся после второй мировой войны, эти ситуации, связанные зачастую с внутренней политической и экономической нестабильностью, а также значительными человеческими жертвами, рассматриваются как попадающие под исключительную юрисдикцию государства и, соответственно, выходящие в общем виде из сферы международно-правового регулирования.

Аналогичные положения содержатся в Декларации Генеральной Ассамблеи ООН о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств 1981 г. В ней, в частности, подчеркивается, что «принцип отказа от интервенции и невмешательства во внутренние и внешние дела государств включает ... обязанность государства воздерживаться от оказания содействия, поощрения или поддержки, прямо или косвенно, мятежной или сепаратистской деятельности в других государствах под каким бы то ни было предлогом, или от каких-либо действий, направленных на нарушение единства или подрыв, или свержение политического строя других государств; ... обязанность государства воздерживаться от использования или искажения вопросов о правах человека в качестве средства вмешательства во внутренние дела государств, оказания давления на другие государства или создания атмосферы недоверия и беспорядка в пределах государств и между государствами или группами государств» и пр. [4].

Следовательно, одним из ключевых принципов международного права и всей системы международных отношений до недавнего времени оставался принцип невмешательства в дела государства. Базирующийся на фундаментальном понятии о суверенности каждого государства, этот принцип ограждал внутреннюю сферу жизни государства от внешнего влияния. Речь идет, конечно, о влиянии в сугубо правовом поле, т.к. влияние политического, экономического характера всегда присутствовало и будет присутствовать в международных отношениях. Нарушение данного принципа рассматривалось как международное преступление и влекло за собой наиболее серьезные формы международной ответственности.

Однако 90-е годы XX ст. продемонстрировали наметившуюся в международных отношениях тенденцию к отходу от классического понимания принципа невмешательства. Это было связано с целым рядом крупных гуманитарных катастроф, произошедших в этот период и ранее. Достаточно вспомнить события в Сребренице, Руанде, Дарфуре. Невозможность осуществления вмешательства в эти внутренние по своему характеру ситуации с целью предотвращения массовых убийств и других нарушений

прав и свобод человека подтолкнула международное сообщество в лице ООН к необходимости пересмотра концепции невмешательства во внутренние дела государства. Ее следствием стало обращение к концепции гуманитарной интервенции, допустимость или же неприемлемость которой вот уже третье десятилетие обсуждается в международных отношениях.

Документальную базу для развития и исследования вопросов гуманитарной интервенции заложил в своем Докладе тысячелетия в 2000 г. Генеральный Секретарь ООН Кофи Аннан, который заявил о том, что «если гуманитарная интервенция действительно является неприемлемым ударом по суверенитету, то как нам следует реагировать на такую ситуацию, как в Руанде или в Сребренице, — как реагировать на грубые и систематические нарушения прав человека, которые противоречат всем заповедям человеческого бытия» [5]. Следствием этого выступления стало создание правительством Канады в декабре 2001 г. Международной комиссии по вопросам вмешательства и государственного суверенитета. Она, в свою очередь, подготовила доклад по проблемам гуманитарной интервенции, содержащийся в письме Постоянного представителя Канады при ООН на имя Генерального Секретаря ООН от 26 июля 2002 г.

Что интересно, уже в этом докладе термины «гуманитарная интервенция», «вмешательство» постепенно подменяются понятием «ответственность за защиту». Как представляется, такая смена направления исследований обусловлена явно выраженным несогласием части международного сообщества («Группа 77», Движение неприсоединения) с применением гуманитарной интервенции как средства для защиты прав и свобод человека. Вероятно, именно одиозность термина «гуманитарная интервенция» привела к тому, что на данный момент в официальных документах ООН и научной литературе упоминается концепция «ответственности за защиту», которая даже в какой-то степени противопоставляется концепции гуманитарной интервенции. К примеру, в своем докладе от 12 января 2009 г. «Выполнение обязанности защищать» Генеральный Секретарь ООН Пан Ги Мун подчеркивает: «... обязанность защищать ... является «союзником», а не «противником» суверенитета. Она возникает из позитивного и конструктивного понятия «суверенитет как ответственность», а не из менее масштабной идеи гуманитарной интервенции» [6].

Но независимо от терминологии и понятий одним из последствий реализации концепции «ответственности по защите», по сути, является та самая гуманитарная интервенция, т.е. вмешательство невоенного и даже военного характера в дела государства, входящие в его внутреннюю компетенцию, в том случае, если это требуется для защиты населения государства от серьезных и массовых нарушений прав человека.

Таким образом, хотелось бы подчеркнуть, что на данный момент вмешательство во внутренние дела государства ни в коем случае не является нормой международного права. Однако, учитывая учащающиеся случаи применения концепции об «ответственности по защите» или же, по сути, гуманитарных интервенций, можно в какой-то степени говорить о начале формирования новой обычной нормы международного права, теоретическая база для внедрения которой активно разрабатывается под руководством ООН. Сложно однозначно ответить на вопрос о допустимости возникновения такой нормы, т.к. с одной стороны, она подрывает концепцию государственного суверенитета, а с другой, зачастую является последним средством для предотвращения масштабных гуманитарных катастроф. Как бы то ни было, представляется, что для ее эффективного использования, которое бы было гарантировано от злоупотреблений со стороны ведущих государств мира, требуется как можно более полное и детализированное закрепление правил и условий ее применения в соответствующем международном договоре.

Использованные источники:

1. Устав Организации Объединённых Наций и Устав Международного Суда. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/995_010.
2. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединённых Наций, 1970 г.: Принята 24 октября 1970 г. резолюцией № 2625 (XXV) на 1883-ем пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН / Генеральная Ассамблея ООН. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/995_569.
3. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/994_055/page1.
4. Декларация о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств: Резолюция № 36/103 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1981 г. / Генеральная Ассамблея ООН. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/internal_affairs_decl.shtml.
5. Ответственность по защите : информационная справка. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/ru/preventgenocide/rwanda/pdf/bgresponsibility.pdf>.

6. *Выполнения обязанности защищать*: Доклад Генерального Секретаря ООН на 63-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН от 12 января 2009 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N09/206/12/PDF/N0920612.pdf?OpenElement>.

Нигреева А. А. Гуманитарная интервенция в контексте защиты прав и свобод человека.

В статье автор затрагивает вопросы применения гуманитарных интервенций как крайнего средства защиты прав и свобод человека от грубых и массовых нарушений при условии бездействия самого государства. Рассматривается международно-правовая база, касающаяся вопросов вмешательства во внутренние дела государства. Определяется соотношение концепции гуманитарной интервенции и концепции об «ответственности за защиту». Подчеркивается тенденция к формированию новой нормы международного права, позволяющей международному сообществу при определенных условиях вмешиваться во внутренние дела государства.

Ключевые слова: принцип невмешательства во внутренние дела государства, гуманитарная интервенция, суверенитет, ответственность по защите.

Нігрєєва О. О. Гуманітарна інтервенція у контексті захисту прав і свобод людини.

У статті автор зачіпає питання застосування гуманітарних інтервенцій як крайнього засобу захисту прав та свобод людини від грубих та масових порушень за умови бездіяльності самої держави. Розглянуто міжнародно-правову базу, що стосується втручання у внутрішні справи держави. Визначено співвідношення концепції гуманітарної інтервенції та концепції про «відповідальність за захист». Підкреслено тенденцію до формування нової норми міжнародного права, яка б дозволяла міжнародному співтовариству за певних умов втручатися у внутрішні справи держави.

Ключові слова: принцип невтручання у внутрішні справи держави, гуманітарна інтервенція, суверенітет, відповідальність за захист.

Nigreieva O. Humanitarian Intervention in the context of defense of human rights and freedoms.

In the article the author touches some questions of using of humanitarian interventions as an ultimate measure for defense of human rights and freedoms from rude and mass violations in the case of state negligence. The international law base that relates to interventions in internal affairs of states is considered. The correspondence between the humanitarian intervention conception and the “responsibility to protect” conception is defined. The tendency for creation of a new international law norm that allows to the international community on some conditions to intervene in state internal affairs is underlined.

Key words: principle of non-intervention in state internal affairs, humanitarian intervention, sovereignty, responsibility to protect.